

## **А.Н.Леонтьев ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. СОЗНАНИЕ. ЛИЧНОСТЬ**

М.: Политиздат, 1975

### **Глава V. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ**

#### **1. ЛИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Чтобы преодолеть господствующую в психологии диадическую схему, нужно было прежде всего вычленить то "среднее звено", которое опосредствует связи субъекта с реальным миром. Поэтому мы начали с анализа деятельности, ее общего строения. Однако тотчас обнаружилось, что в определение деятельности необходимо входит понятие о ее предмете, что деятельность по самой своей природе является предметной.

Другое дело – понятие о субъекте деятельности. Первоначально, т.е. до выяснения важнейших моментов, образующих процесс деятельности, субъект остается как бы за пределами исследования. Он выступает лишь в качестве предпосылки деятельности, ее условия. Только дальнейший анализ движения деятельности и порождаемых им форм психического отражения приводит к необходимости ввести понятие о конкретном субъекте, о личности как о внутреннем моменте деятельности. Категория деятельности открывается теперь в своей действительной полноте, в качестве объемлющей оба полюса – и полюс объекта, и полюс субъекта.

Изучение личности как момента деятельности и ее продукта составляет специальную, хотя и не отдельную, психологическую проблему. Проблема эта является одной из самых сложных. Серьезные трудности возникают уже при попытках выяснить, какая реальность описывается в научной психологии термином "личность".

Личность является не только предметом психологии, но и предметом философского, общественно-исторического познания; наконец, на определенном уровне анализа личность выступает со стороны своих природных, биологических особенностей как предмет антропологии, соматологии и генетики человека. Интуитивно мы достаточно хорошо знаем, в чем состоят здесь различия. Тем не менее в психологических теориях личности постоянно возникают грубые смешения и неоправданные противопоставления этих подходов к исследованию личности.

Лишь немногие общие положения о личности принимаются, с теми или иными оговорками, всеми авторами. Одно из них состоит в том, что личность представляет собой некое неповторимое единство, некую целостность. Другое положение

заключается в признании за личностью роли высшей интегрирующей инстанции, управляющей психическими процессами (Джемс называл личность "хозяином" психических функций, Г.Олпорт – "определителем поведений и мыслей"). Однако попытки дальнейшей интерпретации этих положений привели в психологии к ряду ложных идей, мистифицирующих проблему личности.

Прежде всего это идея, противопоставляющая "личностную психологию" психологии, изучающей конкретные процессы (психические функции). Одна из попыток преодолеть это противопоставление выражается в требовании сделать личность "исходным пунктом объяснения любых психических явлений", "центром, исходя из которого только и можно решать все проблемы психологии", так что необходимость в специальном разделе психологии – психологии личности – отпадает. [114] С этим требованием можно согласиться, – но лишь в том случае, если видеть в нем лишь выражение некоей весьма общей мысли, отвлекающейся от конкретных задач и методов психологического исследования. Несмотря на всю убедительность старого афоризма о том, что "мыслит не мышление, а человек", это требование является методологически наивным по той простой причине, что субъект до аналитического изучения его высших жизненных проявлений неизбежно выступает либо как абстрактная, "ненаполненная" целостность, либо как метапсихологическое "я" (personae), обладающее изначально заложенными в нем диспозициями или целями. Последнее, как известно, постулируется всеми персоналистическими теориями. При этом безразлично, рассматривается ли личность с биологизаторских, органистических позиций, или как чисто духовное начало, или, наконец, как некая "психофизиологическая нейтральность". [115]

Впрочем, требование "личностного подхода" в психологии иногда понимается в том смысле, что при изучении отдельных психологических процессов внимание исследователя должно быть прежде всего сосредоточено на индивидуальных особенностях. Но это отнюдь не решает проблемы, так как а priori мы не можем судить о том, какие из этих особенностей характеризуют личность, а какие – нет. Входят ли в психологическую характеристику личности, например, скорость реакций человека, объем его памяти или умение печатать на машинке?

Один из способов обойти этот капитальный вопрос психологической теории состоит в том, что под понятием личности разумеется человек в его эмпирической тотальности. Психология личности превращается, таким образом, в особого рода антропологию, включающую в себя все – от исследования особенностей обменных процессов до исследования индивидуальных различий в отдельных психических функциях. [116]

Конечно, комплексный подход к человеку является не только возможным, но и необходимым. Комплексное изучение человека ("человеческого фактора") приобрело сейчас первостепенное значение, но именно это обстоятельство и выдвигает психологическую проблему личности как особую. Ведь никакая система знаний о тотальном объекте не дает нам его действительного понимания, если в ней отсутствует одна из существенных специфических его характеристик. Так обстоит дело и с изучением человека: психологическое исследование его как личности отнюдь не может быть возмещено комплексом сопоставляемых между собой морфологических,

физиологических и отдельных функционально-психологических данных. Растворяясь в них, она в конечном счете оказывается редуцированной либо к биологическим, либо к абстрактно-социологическим, культурологическим представлениям о человеке.

Настоящим камнем преткновения в исследовании личности до сих пор остается вопрос о соотношении общей и дифференциальной психологии. Большинство авторов избирает дифференциально-психологическое направление. Беря свое начало от Гальтона и Спирмена, направление это вначале ограничивалось исследованием умственных способностей, впоследствии оно охватило изучение личности в целом. Уже Спирмен распространил идею факторов на особенности воли и аффективности, выделив наряду с общим фактором "g" фактор "s". [117] Дальнейшие шаги были сделаны Кеттелом, предложившим многомерную и иерархическую модель факторов (черт) личности, среди которых рассматриваются такие, как эмоциональная стабильность, экспансивность, самоуверенность. [118]

Метод исследования, развиваемый этим направлением, состоит, как известно, в изучении статистических связей между отдельными чертами личности (ее свойствами, способностями или поведением), выявляемыми посредством их тестирования. Устанавливаемые корреляционные связи между ними и служат основанием для выделения гипотетических факторов и "суперфакторов", которые обуславливают эти связи. Таковы, например, факторы интроверсии и нейротизма, образующие, по Айзенку, вершину факторной иерархической структуры, которая отождествляется им с психологическим типом личности. [119] Таким образом, за понятием личности выступает некое "общее", которое выделяется посредством тех или иных процедур статистической обработки количественно выраженных признаков, отбираемых по статистическим же критериям. Поэтому, несмотря на то, что в основе характеристики этого "общего" лежат эмпирические данные, оно все же остается, по существу, метапсихологическим, не нуждающимся в психологическом объяснении. Если попытки его объяснения и предпринимаются, то они идут по линии поиска соответствующих морфофизиологических коррелятов (типы высшей нервной деятельности Павлова, конституции Кречмера-Шелдона, переменные Айзенка), что возвращает нас к органистическим теориям.

Характерный для этого направления эмпиризм, собственно, и не может дать большего. Изучение корреляций и факторный анализ имеют дело с вариациями признаков, которые выделяются лишь постольку, поскольку они выражаются в доступных измерению индивидуальных или групповых различиях. Соответствующие количественные данные – будут ли они относиться к скорости реакции, к строению скелета, особенностям вегетативной сферы или к числу и характеру образцов, продуцируемых испытуемыми при рассматривании чернильных пятен, – подвергаются обработке безотносительно к тому, в каком отношении находятся измеренные признаки к особенностям, существенно характеризующим человеческую личность.

Сказанное, конечно, вовсе не значит, что применение в психологии личности метода корреляций вообще невозможно. Речь идет о другом: о том, что сам по себе метод корреляции эмпирического набора индивидуальных свойств является для

психологического раскрытия личности еще недостаточным, так как выделение этих свойств нуждается в основаниях, которые не могут быть извлечены из них самих.

Задача найти эти основания возникает, как только мы отказываемся от понимания личности как некой целостности, охватывающей совокупность всех особенностей человека – "от политических взглядов до переваривания пищи". [120] Из факта множественности свойств и особенностей человека вовсе не следует, что психологическая теория личности должна стремиться к глобальному их охвату. Ведь человек как эмпирическая целостность проявляет свои свойства во всех формах взаимодействия, в которые он вовлечен. Падая из окна многоэтажного дома, он конечно же обнаружит свойства, присущие ему как физическому телу, обладающему массой, объемом и т.д.; возможно, что, ударившись о мостовую, он получит увечья или погибнет, и в этом тоже проявятся его свойства, а именно свойства его морфологии. Никому, однако, не придет в голову включать подобные свойства в характеристику личности, сколь бы статистически надежно ни были установлены связи между весом тела или индивидуальными особенностями скелета и, скажем, памятью на цифры. [121]

Когда в повседневной жизни мы даем характеристику личности человека, то мы без особых колебаний включаем в нее такие черты, как, например, силу воли ("сильная личность", "слабохарактерный человек"), отношение к людям ("доброжелательный", "равнодушный") и т.п., но обычно не относим к числу личностных такие особенности, как, например, разрез глаз или умение считать на счетах; мы делаем это, не пользуясь никаким разумным критерием для различения "личностных" и "не-личностных" особенностей. Если идти путем перебора и сопоставления отдельных психологических и иных особенностей, то такой критерий вообще не может быть найден. Дело в том, что одни и те же особенности человека могут стоять в разном отношении к его личности. В одном случае они выступают как безразличные, в другом – те же особенности существенно входят в ее характеристику.

Последнее обстоятельство делает особенно очевидным то, что вопреки широко распространенным взглядам никакое эмпирическое дифференциальное исследование не способно дать решения психологической проблемы личности; что, напротив, само дифференциальное исследование возможно только на основе общепсихологической теории личности. Фактически именно так и обстоит дело: за любым дифференциально-психологическим исследованием личности – тестологическим или клиническим – всегда лежит та или иная, явно или неявно выраженная, общетеоретическая концепция.

Несмотря на кажущуюся пестроту и даже взаимную непримиримость современных психологических теорий личности, большинство из них сохраняет характерную для домарксистской и внемарксистской психологии диадическую схему анализа, о несостоятельности которой я уже говорил. Теперь эта схема выступает в новом обличье – в виде теории двух факторов формирования личности: наследственности и среды. Какую бы особенность человека мы ни взяли, она объясняется, согласно этой теории, с одной стороны, действием наследственности (заложеными в генотипе инстинктами, влечениями, способностями или даже априорными категориями), а с другой – влиянием

внешней среды (природной и социальной – языка, культуры, обучения и т.д.). С точки зрения здравого рассудка другого объяснения, собственно, и нельзя предложить. Однако обыденный здравый рассудок, по остроумному замечанию Энгельса, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе, переживает самые удивительные приключения, как только он отважится выйти на простор исследования. [122]

Кажущаяся непреодолимость теории двух факторов приводит к тому, что споры ведутся главным образом вокруг вопроса о значении каждого из этих факторов: одни настаивают на том, что главной детерминантой является наследственность и что внешняя среда, социальные воздействия обуславливают лишь возможности и формы проявления той программы, с которой родится человек; другие выводят важнейшие особенности личности непосредственно из особенностей социальной среды, из "социокультурных матриц". Однако, при всем различии идейного и политического смысла высказываемых взглядов, все они сохраняют позицию двойной детерминации личности, так как просто игнорировать один из факторов, о которых идет речь, значило бы идти против эмпирически доказуемого влияния обоих. [123]

Взгляды на соотношения биологического и социального факторов как на простое их скрещивание или делящие психику человека на сосуществующие эндосферу и экзосферу уступили свое место более сложным представлениям. Они возникли в связи с тем, что движение анализа как бы обернулось: главной стала проблема внутренней структуры самой личности, образующие ее уровни, их соотношения. Так, в частности, возникло представление о характеризующем личность соотношении сознательного и бессознательного, развитое З.Фрейдом. Выделенное им "либидо" представляет собой не только биоэнергетический источник активности, но и особую инстанцию в личности – "оно" (id), противостоящую "я" (ego) и "сверх-я" (super-ego); генетические и функциональные связи между этими инстанциями, осуществляемые посредством специальных механизмов (вытеснения, цензуры, символизации, сублимации), и образуют структуру личности.

Здесь нет необходимости вдаваться в критику фрейдизма, взглядов Адлера, Юнга и их современных продолжателей. Совершенно очевидно, что взгляды эти не только не преодолевают, но, напротив, обостряют теорию двух факторов, превращая идею их конвергенции в смысле В.Штерна или Д.Дьюи в идею конфронтации между ними.

Другое направление, в котором развивался подход к личности со стороны ее внутреннего строения, представлено культурно-антропологическими концепциями. Отправными для них явились этнологические данные, которые показали, что существенные психологические особенности определяются различиями не человеческой природы, а человеческой культуры; что, соответственно, система личности есть не что иное, как индивидуализированная система культуры, в которую включается человек в процессе его "культуризации". Нужно сказать, что в этой связи приводится множество наблюдений, начиная с известных работ М.Мид, которая показала, например, что даже такое устойчивое явление, как психологический кризис в подростковом возрасте, не может быть объяснено наступлением полового созревания, так как в некоторых культурах этого кризиса не существует. [124] Аргументы черпаются также из

обследований лиц, внезапно перемещенных в новое культурное окружение, и, наконец, из экспериментальных исследований таких специальных явлений, как влияние преобладающих в данной культуре объектов на исход борьбы зрительных полей и т.п. [125]

Для психологии значение культурно-антропологических интерпретаций личности является, однако, иллюзорным: они неизбежно ведут к антипсихологизму. Уже в 40-х годах Линтон указывал на возникающую здесь трудность, которая состоит в том, что культура реально существует лишь в своей концептуализированной форме как обобщенный "конструкт". Ее носители – это, конечно, конкретные люди, каждый из которых частично ее усваивает; в них она персонифицируется и индивидуализируется, но при этом она образует не личность человека, а то, что, напротив, является в нем безличным, как, например, общий язык, знания, распространенные в данной социальной среде предрассудки, моды и т.д. [126] Поэтому для психологии личности значение обобщенного понятия (construct) культуры является, по выражению Олпорта, "обманчивым". [127] Психолога интересует индивид как личность, а личность – это не просто сколок, частичная персонификация той или иной культуры. Культура, хотя она и существует в своих персонификациях, составляет предмет истории, социологии, а не психологии.

Культурологические теории вводят в этой связи различие собственно личности как продукта индивидуальной адаптации к внешним ситуациям и ее общей "базы", или архетипа, который проявляется у человека с детства под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу. Введение этого различия, однако, ничего не решает, потому что образование архетипа само нуждается в дальнейшем объяснении и допускает различные интерпретации, в частности психоаналитические. При этом общая "двухфакторная" схема остается, хотя и в несколько трансформированном виде. Понятие генотипа (наследственности) теперь осложняется введением понятия базовой личности, архетипа, или первичных установок, а понятие внешней среды – введением понятий ситуации и роли. Последнее и стало сейчас чуть ли не центральным в социальной психологии личности.

По широко распространенному определению, "роль" – это программа, которая отвечает ожидаемому поведению человека, занимающего определенное место в структуре той или иной социальной группы, это структурированный способ его участия в жизни общества. Личность и представляет собой не что иное, как систему усвоенных (интернализированных) "ролей". В социальной группе, которая образует семью, это "роль" сына, отца и т.д.; на работе – "роль", скажем, врача или учителя. В неопределенных ситуациях "роль" тоже возникает, только в этом случае в "роли" гораздо больше проявляются черты архетипа и индивидуально приобретенного опыта. Каждый из нас, разумеется, принимает на себя те или иные социальные (например, профессиональные) функции и в этом смысле – "роли". Однако идея прямого сведения личности к совокупности "ролей", которые исполняет человек, является – несмотря на всевозможные оговорки адептов этой идеи – одной из самых чудовищных. Конечно, ребенок усваивает то, как он должен вести себя с мамой, скажем, что ее нужно слушаться, и он слушается, но можно ли сказать, что при этом он играет роль сына или

дочери? Столь же нелепо говорить, например, о "роли" полярного исследователя, "акцептированной" Нансеном: для него это не "роль", а миссия. Иногда человек действительно разыгрывает ту или иную роль, но она все же остается для него только "ролью", независимо от того, насколько он интернализирована. "Роль" – не личность, а, скорее, изображение, за которым она скрывается. Если воспользоваться терминологией П.Жане, понятие роли соотносительно не понятию личности (personnalite), а понятию персонажа (personnage). [128]

Важнейшими возражениями против "ролевых" теорий являются не те, которые идут по линии критики того или иного понимания места, отводимого ролям в структуре личности, а те, которые направлены против самой идеи, связывающей личность с запрограммированным поведением (Гандерсон), даже если программа поведения предусматривает ее самоизменение и создание новых программ и подпрограмм. [129] Что бы вы сказали, спрашивает цитируемый автор, если бы узнали, что "она" лишь искусно играла перед вами роль?

Судьба концепции ролей та же, что и других "социологических", культур-антропологических концепций, остающихся в плену теории двух факторов: чтобы спасти психологическое в личности, она вынуждена апеллировать к темпераменту и способностям, заложенным в генотипе индивида, и мы снова возвращаемся к ложному вопросу о том, что является главным – генотипические особенности человека или воздействия социальной среды. Более того, нас предупреждают об опасности любой односторонности. Лучше всего, говорят нам, сохранять в решении этой проблемы "разумное равновесие". [130]

Итак, на деле методологическая премудрость этих концепций сводится к формуле вульгарного эклектизма: "и то и другое", "с одной стороны, с другой стороны". С позиций сей премудрости свершается суд и над психологами-марксистами: они – де повинны (вместе с защитниками культурологии!) в недооценке внутреннего в личности, ее "внутренней структуры". [131] Понятно, что высказывания такого рода могут возникнуть только в результате бессмысленных попыток уложить взгляды марксизма на личность в глубоко чуждые им концептуальные схемы.

Дело вовсе не в том, чтобы констатировать, что человек есть и природное, и общественное существо. Это бесспорное положение указывает лишь на разные системные качества, проявляемые человеком, и ничего еще не говорит о сущности его личности, о том, что ее порождает. А в этом как раз и заключается научная задача. Задача эта требует понять личность как психологическое новообразование, которое формируется в жизненных отношениях индивида, в результате преобразования его деятельности. Но для этого необходимо с порога отбросить представление о личности как о продукте совокупного действия разных сил, из которых одна скрыта, как в мешке, "за поверхностью кожи" человека (что бы в этот мешок не сваливали), а другая лежит во внешней среде (как бы мы эту силу ни трактовали – как силу воздействия стимульных ситуаций, культурных матриц или социальных "экспектаций"). Ведь никакое развитие непосредственно не выводимо из того, что составляет лишь необходимые его предпосылки, сколь бы детально мы их ни описывали. Марксистский диалектический

метод требует идти дальше и исследовать развитие как процесс "самодвижения", т.е. исследовать его внутренние движущие отношения, противоречия и взаимопереходы, так что его предпосылки выступают как в нем же трансформирующиеся, его собственные моменты. [132]

Такой подход необходимо приводит к положению об общественно-исторической сущности личности. Положение это означает, что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) лишь как индивид, наделенный определенными природными свойствами и способностями, и что личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений. Иначе говоря, в отличие от индивида личность человека ни в каком смысле не является предсуществующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается. Исследование процесса порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к ее подлинно научному психологическому пониманию.